Пустышка

Автор:
Александр Рей

Пустышка

Александр Рей

Эта книга уникальная в своем роде. Она является хронологией бесед врача-психиатра с необычным пациентом – подростком, сохранившим воспоминания до рождения. В процессе бесед затрагиваются наиважнейшие вопросы человеческой жизни. Доступная и увлекательная форма повествования, запись гипнотических и психотерапевтических сеансов будет понятна и интересна многим.Книгу можно раскрыть на любом месте, чтобы тут же окунуться в обсуждение сакральных знаний об устройстве мира, роли человека, войнах и предназначении боли.

Больше чем маме —

другу и соратнику,

посвящается…

От свидетеля событий

Уважаемый читатель!

Так как содержащийся здесь текст по большей степени является перепечатанными с диктофонных записей диалогами, то просьба читать более медленно, вкрадчиво, после каждого многоточия оставляя паузу в полсекунды. Это необходимо для более глубоко проникновения в суть повествования.

Благодарю!

Автор

Любое исследование, любое наблюдение, будь то наблюдение ребенка за кошкой, физика — за тем, как раскалывается ядро атома, или астронома, ведущего наблюдение за далекой-далекой галактикой — все это наблюдение за Вселенной, а если быть точным — за отдельными ее частями.

Wikipedia.org «Вселенная»

Часть 1. Альбинос

Начало записи

12.05.2010 вторник

11.34

– Запись пошла?

– Да…

– Отлично! Итак, сегодня у нас… э-э… двенадцатое мая две тысячи девятого года. Мы находимся в кабинете гипнотерапии в отделении психиатрической

патологии детского и подросткового возраста Московского Научно-исследовательского Института психиатрии Росздрава. В данном исследовании принимают участие… руководитель отделения, кандидат медицинских наук, профессор Лев Серафимович Исаков, то есть я. Прошу любить и жаловать. Ассистирует мне очаровательная Надюша… э-э… Надежда…

– Сергеевна.

– Надежда Сергеевна Богданова, младший научный сотрудник нашего замечательного отделения. Я попросил ее последить за электроэнцефалографом во время сеанса.

– Лев Серафимыч, а ничего, что вы так… ну, неофициально?

– Ай, Надь, все равно запись кроме меня никто, скорее всего, слушать не будет… Она вообще так, чисто для формальности пишется. Вроде для протокола все сказал.

– Про пациента забыли.

– Ах, да! Спасибо, Надюш. Обследуем мы… Надь, передай, пожалуйста, его историю… слева на столе… да-да, вот эта! Угу. Значит, работаем мы сегодня с Даниилом Юрьевичем Милеевым, девяносто второго года рождения. Так, моя задача подтвердить или опровергнуть у него расстройство личности. Попал к нам этот паренек интереснейшим образом… Надя, слушаешь?

– Да, конечно.

– Из военкомата его направили, представляешь? Долго не могли решить – может он служить или не годен.

– Из-за психики?

– Не-а… А я тебе разве не говорил?! Он же альбинос.

– Кто-о?!!

– Ты не знаешь, кто такие альбиносы?

– Знаю, просто… я думала, только у животных такое бывает.

– Чем тебе человек не животное?

– И что, он действительно весь белый?

– Ну, насчет «весь» или «не весь» не знаю… везде я у него не лазил. Шучу-шучу, не смущайся. Я сам его только мельком на обходе видел. Честно говоря, странноватое зрелище, будто человек из мела или гипса слеплен, как и не живой.

– А глаза красные?

– Блекло-серые вроде. У них же обычно только в детстве радужка отливает красным, а потом цвет приобретает… Сейчас сама увидишь.

– Стра-ашно…

– Хм-м… Привыкнешь. Смотрим его карточку дальше… Итак, кроме глазно-кожного альбинизма Даниил Юрьевич ничем с детства и по сей день не болел.

– В смысле, записей о болезнях нет?

– В том-то и дело, что есть все – позавчера запрос из поликлиники по месту жительства пришел – пустая бумажка: ни простуд, ни кори, ни даже поноса.

– Может быть, родители просто врачей не жаловали и сами лечили мальчика?

– Ничего подобного! У него мать чрезвычайно тревожно-мнительная особа. Со своим редким заболеванием он благодаря ей все свое детство, считай, лишь по больницам и провел – обследование за обследованием.

– Видимо, боялась за него сильно…

– Удивительно, как она вообще ребенка не угробила с такой опекой!

– Лев Серафимович, а она сама нормальная? Я имею ввиду цвет кожи.

– Да самая обычная. Альбинизм же не по наследству передается, это какое-то генное нарушение. Черт его знает! Я уже отдал ткани Милеева в лабораторию на анализ, потом с Палычем, как результаты придут, по поводу всей этой мути переговорю. Пусть мне объясняет… Так вот, у нашего пациента на удивление великолепное здоровье. По идее, у него зрение должно быть отвратительным и постоянные ожоги от солнца – меланина же нет, чтоб ультрафиолету противостоять. В общем, Милеев какой-то неправильный альбинос. Но это еще не все странности…

– Вот как?!

– Не знаю, что такого у военных Даниил учудил, чтоб аж тамошний психиатр обратил на него свое внимание – насколько военкомовский брат равнодушная ко всему скотина, а парня сюда направил. Короче, его отправили в психушку при нашем институте, с подозрением на возможные психические нарушения.

– А как он у вас оказался? Вы же, Лев Серафимович, обследованием призывников не занимаетесь.

– Слушай дальше. Значит, положили его для наблюдения в четвертое закрытое…

– К шизофреникам?

– Да. Не повезло мальчишке – зав отделением Головин других-то диагнозов, кроме как расстройство личности, не знает.

– Наслышана…

– Короче, начал он тестики-вопросики пареньку давать, а тот их как орешки щелкает. Решили было, что Милеев у них по ошибке оказался. Конечно, странноватый парень – и внешность, и манера речи… Но это же не признак психических отклонений от нормы!

– Так что потом случилось?

– А вот что. Головин было уже собирался Милеева отпускать, когда тема разговора случайно физики коснулась. Тогда-то наш пациент и начал несуразицу нести – чистый шизофренический бред. Головин, говорят, чудом со стула не брякнулся, когда сообразил, что чуть больного Родину защищать не отправил.

– Но это же опять не причина чтобы к вам попасть – лечили бы у себя, а нашему отделению он зачем?

– Ты ж дослушай… Головин назначил парню препараты, стал психотерапию проводить, на которой решил с ним поработать гипнозом…

– Насколько мне известно, с острыми психическими нарушениями гипноз вроде как противопоказан?

– Надь, это спорный вопрос. Тем более Головин диссертацию готовит, вот на своих подопечных и экспериментирует, а Милеев как раз в его руках оказался.

– И?

– Странности начались во время первого же сеанса. Я всех подробностей пока не знаю, но насколько я понял, под гипнозом… – очень глубоким, попрошу заметить!.. – под гипнозом Даниил повторил те же самые небылицы, что нес и в сознании. А то, ЧТО он говорил, правдой быть не может – лишь чушью и бредом.

– Так пациент, наверное, притворился, что вошел в гипнотический транс. Может, это у него юмор такой?

– Вот для этого, Надюш, к нам его и направили. В четвертом, где Головин заведует, естественно своего ЭЭГ нету, чтоб подключиться и понаблюдать за волнами мозга во время сеанса. А по-другому как проверишь – забавляется новоиспеченный шизик или просто от армии косит? Так или иначе, его для начала разоблачить надо.

– Может, он действительно под гипнозом правду говорит или это не вариант?

– Не вариант.

– Почему?

– А потому, Наденька… Если бы ты услышала эту чушь… Короче, этого быть не может, потому что не может быть! И точка!

– Не хотите говорить?

– Не-а… Ты у нас человек религиозный – баптистка, насколько мне известно…

– А причем тут моя вера?

– А при том, что мне твоя предвзятость к пациенту ни-к-че-му… Следи себе спокойненько за показаниями энцефалографа и сообщи, когда я в нужный момент спрошу об активности его мозга. Ты озвучишь показания аппарата, которые запишутся на пленку, что и станет неоспоримым доказательством его притворства. Кода мы его припрем к стенке, от меня лишь потребуется выяснить мотивацию его действий – диагноз для военкомата ему нужен или это просто игры больного воображения. Таким образом, голубчик точно не отвертится.

– Лев Серафимович, а почему вы считаете…

Тук-тук!

– Да-да, входите!

– Здравствуйте. Милеев пришел, впускать?

– Пять минуток в коридоре подождите. Я позову как надо…

– Надя, у нас все готово?

– Да, конечно…

– Аппарат тоже настроила?

– Да.

– Хорошо.

– Будем начинать?

– Надя, не торопись. Мне для начала нужно с его биографией хоть немного ознакомиться, а то как же сеанс вести?

– Вы же Милеева разоблачать собирались, зачем вам его прошлое?

– Была когда-нибудь на сеансе гипнотерапии?

– Разумеется. Я же в лаборатории сна закреплена, мы там и трансовые состояния исследуем…

– Тогда ты должна знать, что когда пациент находится в состоянии гипнотического транса, он может вспомнить то, что давно забыл – любые тайны прошлого, аккуратно упакованные, хранятся на полочках памяти. Под гипнозом человек не может врать, рассуждения его логичны и последовательны, все пережитые события воспринимаются очень эмоционально и ощущаются так, будто происходят прямо сейчас…

– Это мне понятно.

– Так вот, чтобы уличить исследуемого в обмане, нужно коснуться вопроса раннего детства, так как никто из взрослых о нем почти ничего не помнит. Если будут нелогичности или несоответствие эмоциональных переживаний, то значит перед нами притвора. Этим способом пользуются гипнологи, если появляется подозрение на фиктивное погружение пациента в транс. Прижать к стене фактов и разоблачить – вот моя задумка.

– Но ведь пациент и дальше может притворяться, не признавая, что разоблачен – делай вид, что спишь, – и все дела.

– Вот для этого ты мне и нужна на подстраховке. Я сначала хочу сам попытаться разоблачить Милеева, а показания приборов использовать как доказательство… И кстати, нельзя исключать, что на этот раз нам может повезти, и Милеев поддастся гипнозу.

– Тогда получится выяснить причину его проблем из первых уст?

– Да, Надя! Страх армии или же дефект психики – вот в чем вопрос!

– А мне кажется, тут и причин искать незачем. Он же альбинос! Альбинос в стране, где на негров до сих пор смотрят как на пришельцев с Марса. Вся его жизнь наверняка проходила под пристальным вниманием окружающих. Попробуй тут не чекнись! И в самом деле «белая ворона»…

– Каламбурить изволите? Ха, белая ворона – забавно!

– Я не это хотела ска…

– Да ладно тебе. Все в порядке… Итак, переходим к биографии…

– А ничего, что нас в коридоре ждут?

– Ничего, подождут. Читаю… так… угу… записано со слов матери… бла-бла-бла… двадцать четвертого ноль седьмого девяносто первого года рождения… в городе Москве… так. Отец – Юрий Олегович… мент… ушел из семьи, когда мальчику было полтора… ага. Мать – Елена Валентиновна, шестьдесят шестого года рождения… учитель начальных классов… так… Роды-роды… угроза выкидыша… Рожден на три недели раньше… с глазно-кожным альбинизмом «А-один»… в результате мутации гена тирозинозы на хромосоме одиннадцать… Так, это мне непонятно, потом пускай Палыч объяснит, когда анализ закончит… Кожа белая, волосы белые, радужка глаз очень светлая, голубоватого оттенка… при ярком освещении становится красной.

– Представлю, аж жутко становится…

– И не говори. Дальше описано общее развитие. Ходить начал в восемь месяцев, читать в два с половиной…

– Во сколько?!

– В два с половиной года. Головин, кажется, упоминал, что парень с книгами не расстается – ему только и успевают их подносить. А чего ты удивляешься?! Высокий интеллект не гарантирует здоровую психику, скорее наоборот. Знаешь, какие в НИИ выдающиеся умы лежали?

– Я понимаю, но в два с половиной читать…

– Согласен, впечатляет. Поехали дальше… Пошел в детский сад в четыре… мать боялась, что у него начнутся проблемы с адаптацией среди детей и мальчик начнет болеть…

– И как, оказалась права?

– Удивительно, но нет! Простудные, инфекционные и другие само собой разумеющиеся болезни обошли его стороной.

– А дети его нормально приняли?

– Им маленького альбиносика вообще не пришлось принимать… То есть, если я правильно понял из записей, они «белого» мальчика игнорировали.

– Боялись?

– Нет же. Скорее не обращали внимание. Будто перед ними самый обычный ребенок. Потом следует уточнение, что окружающие о нем постоянно «забывали»… словно на Даниле надета шапка невидимка… Другие детки играют спокойно, а он сидит себе тихонечко в сторонке, книжки читает.

– Получается, что никто над ним не издевался?

– Абсолютно! Словно и нет его вовсе! Но ладно дети… оказывается, и воспитатели, собираясь на прогулку, могли взять всех, а его забыть.

– Лев Серафимович, странно это… казалось бы, он наоборот должен глаза мозолить, а тут такое.

– В школе все повторилось… Мать рассказывает, что когда учительница вызывала Милеева к доске, одноклассникам будто каждый раз заново приходилось вспоминать о его существовании. Причем бьюсь об заклад, если не список учеников, сама бы хрен вспомнила ученика Даниила Милеева.

– А с учебой у него как?

– Судя по вопросу, ты уже сама обо всем догадалась?

– Просто предположила.

– Даниил отвечал всегда безукоризненно, идеально, точно… Любые знания ему давались необычайно легко, особенно точные науки. Но наибольший интерес он всегда проявлял к гуманитарным: психология, философия, история религий, литература, искусство, теория музыки, иностранные языки – их он изучал особенно рьяно.

– Откуда в школе философия и история религий?

– А он с третьего класса на домашнем обучении.

– Что-то случилось?

– Написано, что просто пришел однажды из школы, сказав, что хочет учиться дома.

– И все?! А мать?

– А что мать? Ей только в радость, что сын будет сидеть дома – волнений меньше. Вот она и добилась того, о чем он просил.

– Так Милеев что, дома постоянно сидел?

– Постой… так… здесь об этом ничего не говорится. Дальше следует описание, какой он хороший и добрый мальчик…

– А институт? А профессия?

– Не-а! Видимо, Даниил для матери вроде домашнего питомца… Как раз в самом конце она просит не брать его в ряды российской армии… Говорит, что ему туда нельзя. Все, теперь понятно – десять к одному, что парень притворяется чтобы откосить. Обычный маменькин сыночек.

– Только я не понимаю, как он вообще до комиссии с альбинизмом добрался?

– Я же уже говорил, что обычных для больных ГКА проблем у парня нет – зрение в норме, здоровье отменное… что еще для армии надо? Поэтому-то на призывной комиссии и не могли сообразить, годен он или нет… Ну ладно, давай приступим. Надь, позови, пожалуйста, Милеева из коридора.

– Здравствуйте, Даниил Юрьевич.

– Здравствуйте.

– Меня зовут Лев Серафимович Исаков. Сегодня мы немножечко с вами поговорим, хорошо?

– Да, пожалуйста.

– Вот и славно. Только если вы не против, пока будем беседовать, заодно и работу вашего мозга исследуем… Нет-нет, не пугайтесь! Просто на вас будет надета специальная, вполне модная, с электродами шапочка. Пока будем разговор разговаривать, Надежда Сергеевна… вон, мышкой в углу притаилась…

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Давайте я помогу шапку надеть… ага… провода сюда… Готово!

– Надежда Сергеевна будет следить за показаниями приборов. Это необходимо, чтобы ваше здоровье лучше изучить.

– Напрасное занятие.

– Хм-м… и почему же?

– Потому что у меня со здоровьем все в порядке.

– Да-а?! А в военкомате по-другому считают. Кстати, не скажете, уважаемый Даниил Юрьевич, что это вы в столь равнодушном к страстям месте, как военный комиссариат, учудили, если вас к нам аж на обследование отправили, а?

– Рассказал о том, что было давно…

– О своем прошлом? Интересно-интересно… Хотя сейчас не об этом! Лучше я у вас вот что спрошу. Как вы считаете, о чем мы будем вести с вами беседу?

– Лев Серафимович, я не совсем понимаю, зачем вы кружите вокруг да около, словно какую-то лазейку ищете – с какой стороны ко мне подобраться не знаете. Мне в принципе все равно, как с вами общаться, но вот вы явно перенапрягаетесь. Я бы предпочел прямой разговор – без лишних, на мой взгляд, зигзагов и смыслов. Но если так вас больше устраивает… то я отвечу на вопрос. Судя по надписи на двери «Кабинет гипнотерапии», вы хотите повторить со мной сеанс гипноза подобно тому, что я проходил у доктора Головина. Судя по присутствию здесь Надежды Сергеевны и шапки электроэнцефалографа на моей голове, будет отслеживаться активность мозговых волн в состоянии бодрствования и под гипнозом для дальнейшего сравнения и анализа. Вероятнее всего, подобные меры были вызваны сеансом с доктором Головиным. Видимо, находясь в состоянии транса, я что-то такое говорил, из-за чего доктор решил, что я имитирую состояние гипнотического транса. Он мне это напрямую не сообщал, но все и так было понятно по выражению его лица. Таким образом, так как ЭЭГ обмануть невозможно, сегодня вы хотите отследить, на самом ли деле я нахожусь под гипнозом или же притворяюсь. Думаю, именно об этом мы и будем вести беседу.

– Кхе-кхе… э-эм-м… Исчерпывающий ответ… кхм. А что вы такого доктору Головину рассказали, что он неладное заподозрил?

– Не знаю. Я же находился под гипнозом.

– Н-да, действительно… Ладно, если уж вы хотите, Даниил Юрьевич, общаться открыто, тогда незачем тянуть резину и уже можно приступать к сеансу. Как считаете?

– Я согласен.

– Надежда Сергеевна, показаний ЭЭГ на первом этапе достаточно?

– А? Да-да… вполне.

– Хм-м… Надежда Сергеевна немного растеряна, потому что побаивается вашей безукоризненной белизны.

– Я думаю, Надежда Сергеевна сама сказала бы об этом, если бы посчитала нужным. А вы, Лев Серафимович, разве не побаиваетесь? Давайте уже начинать…

– Делай три глубоких вдоха… вот так… споко-о-ойно… Сядь поудобнее… буквально слейся с поверхностью кресла… утони в его мягкости… дыши неспешно, размеренно… хорошо… вот та-а-ак… некуда спешить… нет забот и дел… можно полностью сконцентрироваться на своем дыхании… слушать его… ощущать свое тело… не о чем беспокоиться… ты в безопасности… по телу растекается спокойствие… размеренность… волнами – от макушки… от темени расходится расслабление… захватывает плечи… руки… тело… до самых ног… волнами расходится тепло… плечи… руки… Тяжесть наполняет шею… глаза… веки становятся неподъемными… неподвластными… руки наливаются тяжестью… неподъемной тяжестью… ноги становятся тяжелыми… тело перестает слушаться… мысли исчезают… остается лишь голос… мой голос…

Попробуй поднять руку… у тебя это не получится… ты не способен оторвать тяжелую, неподъемную руку от поверхности кушетки… Не получается… ты не способен себя контролировать… ты лишь слушаешь и идешь вслед за моим голосом… ты ведомый…

Ты стоишь в пустом классе, перед школьной доской… в твоей руке мел… На доске ты начинаешь выводить буквы… по порядку… неспешно… большие

буквы… А-а-а… и твое тело еще больше тяжелеет… Бэ-э-э… ты все глубже погружаешься в сон… Вэ-э-э… сознание освобождается от всего лишнего… а мел продолжает вычерчивать буквы… Гэ-э-э… Дэ-э-э… Тело начинает растворяться в воздухе… Е-э-э…

…

Юу-у-у… ты лишен своего тела… нет тела… лишь свобода… ты – наблюдатель… Яа-а-а… на доске мелом рисуешь дверь… ручку… Открывай ее… Внутри комната… Заходи… Абсолютно белая комната… идеально белая… пустая комната… Обустрой ее по своему усмотрению… расставь мебель… Присмотрись… Что это за место?

– Это моя комната…

– Ты живешь с мамой?

– Да…

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать с половиной…

– Чем ты занят?

– Я сижу на полу и читаю…

– Читаешь? Ты любишь читать?

– Я люблю учиться… Чтение наилучший из способов получения информации…

– Ты много учишься? Зачем тебе это?

– Когда я учусь… когда наполняю себя знаниями, то перестаю ощущать пустоту внутри…

– Пустота? Тебе плохо?

– Нет… просто внутри меня ничего нет… Я прозрачен… а когда учусь, то перестаю ощущать это внутри…

– Что ты читаешь?

– Евангелие от Иоанна…

– Ты молишься?

– Я учусь… учу латынь, читая библию…

– Ты изучаешь языки?

– Этот будет двадцать четвертым…

– Ого! Зачем тебе столько?

– Чтобы быть свободным в выборе познаний…

– А что ты станешь делать сейчас, когда закончишь читать библию?

– Возьму другую книгу…

– А потом?

– Возможно, мама позовет меня обедать…

– А потом?

– Я вновь примусь за чтение…

– Разве ты не пойдешь гулять?

– Нет… я не хожу гулять…

– Тебя не пускает мама?

– Пускает…

– Почему же ты тогда не идешь?

– Не вижу смысла… я хочу учиться…

– Э-э… А другие дети? Ты с ними общаешься?

– Нет…

– Почему? Не можешь найти общего языка? Или они тебя обижают?

– Они меня не видят…

– Ты имеешь в виду, игнорируют? Боятся?

– Они меня не видят… потому что я – пустой… У меня нет пути, который пересекался бы с другими… Я не оставляю след после себя… Меня не видят… а те, кто видят – быстро забывают…

– Ладно… поехали дальше… И так, ты в своей комнате… она начинает вновь меняться… Где ты сейчас находишься?

– Доска… дети… парты… Я вновь в школе… урок математики…

– Сколько тебе лет?

– Семь и два месяца…

– Ты учишься?

– Нет… я просто сижу… я наблюдаю за тем, что происходит за окном…

– Тебе скучно?

– Нет… я наблюдая за миром из окна…

– А на уроке скучно?

– Учитель слишком медленно все рассказывает… слишком долго… часто отвлекается на отношения с другими детьми… К тому же то, о чем она рассказывает, мне уже известно… Поэтому я смотрю в окно…

– Ты хочешь уйти?

– Да… Я хочу домой к книгам…

– Ты чувствуешь себя одиноко?

– Я просто хочу узнавать Мир…

– Теперь обрати внимание на сам класс… Ты замечаешь, как он начинает меняться… Ты погружаешься назад в прошлое… так глубоко, как можешь вспомнить… Где ты находишься?

– Я падаю… лечу вниз, чтобы родиться…

– Вот это уже интересно… ха-ха… рассказывай!

– Я лечу вниз… это удивительное ощущение… Мне хорошо… хотя я знаю, что полет продлится лишь мгновение… и я стараюсь успеть насладиться падением…

– И откуда же вы, молодой человек, падаете?

– С неба…

– А откуда именно?

– Граница воздуха и пустоты… я падаю оттуда…

– А что там?

– Там я ждал своей очереди…

– Чего-о ты ждал? Какая еще очередь?!

– Очередь таких же, как и я, «пустышек»… пустых энергетических оболочек… новых душ… Ждал, пока мне не достанется Его Слово… Его Семя…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rey_aleksandr/pustyshka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити